

Николай Добролюбов

Повести и рассказы С. Т. Славутинского

Николай Добролюбов

**Повести и рассказы
С. Т. Славутинского**

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

Повести и рассказы С. Т. Славутинского / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-18694-1

«...Г. Славутинский не возвышается над многими из предшествовавших простонародных рассказчиков силою художественного таланта, а некоторым из них уступает. Но преимущество его заключается в другом, именно в самом отношении его к предмету, за который он берется. Здесь имеет он ту особенность, что говорит постоянно так, как взрослый человек должен говорить со взрослыми людьми о серьезном деле. Он не подлаживается ни к читателям, ни к народу, не старается, применяясь к нашим понятиям, смягчить перед нами грубый колорит крестьянской жизни, не усиливается непременно создавать идеальные лица из простого быта...»

ISBN 978-5-457-18694-1

© Добролюбов Н. А., 1860
© Public Domain, 1860

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Александрович Добролюбов

Повести и рассказы С. Т. Славутинского

Москва. 1860.

[Лет семь]¹ тому назад была большая мода на повести из простонародного быта, и по этому случаю глубоких критиков наших занимал тогда вопрос: «Может ли простонародная жизнь быть введена собственно в литературу, без всякого ущерба для истины, цвета и значения своего?» Один из глубокомысленнейших тогдашних критиков решил этот вопрос отрицательно на том основании, что «искусство имеет свои незыблемые правила, сохранение которых рядом с случайным, жестким ходом жизни – невозможно; ибо какая есть возможность произвести эстетический эффект и в то же время целиком выставить быт, мало подчиняющийся вообще эффекту?»² Воззрение это до сих пор тайком сохраняется некоторыми и еще недавно выразилось, например, осуждением всех комедий Островского, как противных условиям искусства и слишком уж близких к жизни. Любопытствующие могут еще долго, вероятно, любоваться, как это воззрение через неправильные промежутки продолжает прорываться грязным вулканом в «Нашем времени»³. Но что странно до неприличия в наше время, то было очень простительно семь лет тому назад, и мы вполне оправдываем глубокомысленного критика, вспомнивши о его затруднительном положении в виду простонародных рассказов того времени.

Нужно вам сказать о происхождении тогдашней страсти к подобным рассказам, чтобы вы удобнее могли понять, почему мы критика считаем правым и даже весьма проникательным в этом случае.

Семь лет тому назад о крестьянском вопросе не было и помину, следовательно рассказы о жизни крестьян (разумеется, без всякого отношения к их юридическим правам, или, правильнее сказать, обязанностям) никого не могли задевать за живое, никому не досаждали. А все другое в то время казалось очень сомнительным и встречалось [с большим недоброжелательством известною частью публики, от которой преимущественно зависит процветание русской литературы]. Чтобы никого не раздражать, русские писатели изобрели было тогда особенный какой-то, даже не *средний*, а скорее *общий* род людей, которых звание, общественное значение, сословные отношения и проч. оставлялись на догадку читателя, а изображалось только любящее сердце и мечтательное воображение. Но и тут выходила часто неудача. Изображен, например, в повести герой совершенно без всякого звания, и так искусно, что следов нельзя найти: не помнящий родства, да и только. Но вздумается же автору заметить в одном месте, что герой крутил себе ус; а в другом месте сказано, что он в танцах платье у дамы оборвал: сейчас же офицеры и раздражаются, – мундир, дескать, наш марают. И неосторожный автор наживает хлопот... В этой-то крайности и решились наконец к мужикам обратиться; тех, дескать, как хочешь описывай: они не прочитают, а кто прочитает, так тот не обидится и на свой счет не примет. Зато уж и досталось же бедным мужичкам! За несколькими писателями, действительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись целые толпы таких сочинителей, которым до народа и дела-то никогда не было, и думушки-

¹ В прямых скобках [] приведены те места, которые были изъяты по требованию цензуры из первоначальных журнальных публикаций статей и восстановлены впоследствии в первом издании Сочинений Добролюбова, подготовленном к печати Н. Г. Чернышевским в 1862 г.

² Имеется в виду П. В. Анненков, который писал об этом в статье «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» («Современник», 1854, кн. II, III).

³ ...грязный вулкан в «Нашем времени». – Имеются в виду статьи редактора этой газеты Н. Ф. Павлова, в частности его отзыв о «Грозе» А. Островского.

то о нем в голову не приходило, а теперь довелось писать о нем. Говорят, в то время «Сказания русского народа» Сахарова и «Пословицы» Снегирева поднялись в цене, и даже «Быта русского народа» Терещенка разошлось несколько экземпляров⁴. С помощью таких источников из русского народного быта стали отхватывать драматические представления на манер пословиц Альфреда Мюссе и рассказы в самом беспримерном роде. Тогда-то обратили на себя общее внимание гг. Данковский, Лазаревский, Мартынов и многие им подобные. Тогда-то г. Потехин сочинил «Крестьянку», г. Михайлов «Ау» и «Африкана», г. Мей – «Кириллыча», тогда-то принялись за изображение простого быта даже такие писатели, которые до того были насквозь пропитаны духом классической древности или полусветских салонов: так г. Майков произвел тогда «Дурочку Дуню», а г. Авдеев ухитрился изобресть «Огненного змия»⁵. Словом, простонародная повесть точно так же обуяла тогда литературу, как в 1856 и следующих годах обличительные рассказы о взяточниках. Но разница была в том, что крестьянские повести были настолько же деликатны, насколько обличения невежлив.

К мужикам тогда приступали с тою же манерою, как и ко всем другим членам общества, то есть заставляли их постоянно прикидываться не помнящими родства... Как мужик с своей деревней связан, кем управляется, какие повинности несет, чей он и как с баринном, с управляющим, с окружным или с исправником ведается – это вы могли открыть весьма в редких случаях, – именно, когда попадался вам идеальный управляющий, как в «Крестьянке», или идеальный исправник, как в «Лешем», например...⁶ Житейская сторона обыкновенно пренебрегалась тогда повествователями, а бралось, без дальних справок, сердце человеческое, и так как для него ни чинов, ни богатств не существует, то и изображалась его чувствительность у крестьян и крестьянок. Обыкновенно герои и героини простонародных рассказов стогали от пламенной любви, мучились сомнениями, разочаровывались – совершенно так же, как «Тамарин» г. Авдеева [или «Русский Черкес» г. Дружинина]. Разница вся состояла в том, что вместо: «я тебя страстно люблю; в это мгновение я рад отдать за тебя жизнь мою», они говорили: «я тебя страх как люблю; я таперича за тебя жисть готов отдать». А в прочем, все обстояло, как следует быть в благовоспитанном обществе: у г. Писемского одна Марфуша даже в монастырь ушла от любви, не хуже Лизы «Дворянского гнезда»⁷.

В виду таких-то данных, вышеупомянутый критик и произнес свое решительное суждение о невозможности примирить истину простонародного быта с *незыблемыми* законами искусства. [И действительно: законы искусства требуют, чтобы в повести или драме строго и естественно развивалось содержание само из себя и представляло внутреннюю борьбу в человеке каких-нибудь двух начал; а жизнь наших мужиков совершенно зависит от случайностей разного рода – от наезда станowego, от расположения духа управляющего, от болезни барской собаки или лошади, от нетрезвости земского и т. п., и, кроме того, внутренней борьбы в них никакой нет, потому что они, видите ли, «находятся еще в первобытной непосредственности». Что прикажете делать искусству в таком затруднительном случае? Семь лет тому назад проницательный критик не мог придумать другого разрешения, как] отказаться искусству от полного воспроизведения действительности простонародного быта.

⁴ «Сказания русского народа» И. П. Сахарова последним (третьим) изданием печатались в 1841–1849 гг.; книги И. М. Снегирева: «Русские в своих пословицах» – в 1831–1834 гг. и «Русские народные пословицы и притчи» – в 1848 г.; книга А. В. Терещенко «Быт русского народа» вышла в 1848 г.

⁵ Роман Ал. Потехина «Крестьянка» печатался в «Москвитянине» в 1853 г.; повесть М. И. Михайлова «Ау» – в «Библиотеке для чтения» в 1855 г., его рассказ «Африкан» – в «Современнике» в 1855 г.; повесть Л. А. Мея «Кириллыч» впервые напечатана в «Библиотеке для чтения» в 1855 г.; идиллия А. Н. Майкова «Дурочка» датирована 1851 г., впервые напечатана в сб. «Для легкого чтения» (т. I, 1856); рассказ М. В. Авдеева «Огненный змей» впервые напечатан в «Отечественных записках» за 1853 г.

⁶ Рассказ А. Ф. Писемского «Леший» впервые напечатан в «Современнике» в 1853 г.

⁷ Марфуша – героиня рассказа А. Ф. Писемского «Леший».

Но повернулось дело иначе. Пряничные и кукольные фигуры мниморусских людей, произведенные по нужде тароватыми мастерами, тотчас же брошены и забыты, как только явилась возможность смелее заглядывать в другие сферы общества, более знакомые пишущему сословию и более близкие читающей публике. Пошли изображать чиновников, офицеров, откупщиков, помещиков, и крестьяне стали являться в повестях только уже по своим отношениям к этим сословиям. Но в это-то самое время, когда повествователи всего менее заботились о мужике, и подошла незаметно пора настоящих рассказов из народной жизни.

Крестьянский вопрос заставил всех обратить внимание на отношения помещиков и крестьян. Литература хотела тотчас принять посильное участие в разрешении вопроса и, между прочим, принялись было за путь беллетристической обработки существующих фактов. Но вскоре [было соображено, что в минуту серьезного и мирного рассуждения о деле, не деликатно болтать о фактах, выставляющих одну сторону в нехорошем виде и могущих раздражать ее напоминаниями прошлого, которое должно уже скоро кончиться. И так] этот предмет был беллетристикою оставлен в покое; но не могла быть оставлена без внимания жизнь крестьян и существующие условия быта их. Разъяснение этого дела стало уже не игрушкой, не литературной прихотью, а настоятельной потребностью времени. Без всякого шума и грома, без особенных новых открытий, взгляд общества на народ стал серьезнее и осмыслился несколько просто от предчувствия той деятельной роли, которая готовится народу в весьма недалеком будущем. Вместе с тем появились и рассказы из народного быта, совершенно уже в другом роде, нежели какие являлись прежде. До сих пор их явилось еще очень немного, и к числу этих немногих принадлежат рассказы г. Славутинского, на которые мы хотим теперь обратить внимание наших читателей.

Г. Славутинский не возвышается над многими из предшествовавших простонародных рассказчиков силою художественного таланта, а некоторым из них уступает. Но преимущество его заключается в другом, именно в самом отношении его к предмету, за который он берется. Здесь имеет он ту особенность, что говорит постоянно так, как взрослый человек должен говорить со взрослыми людьми о серьезном деле. Он не подлаживается ни к читателям, ни к народу, не старается, применяясь к нашим понятиям, смягчить перед нами грубый колорит крестьянской жизни, не усиливается непременно создавать идеальные лица из простого быта. Он не считает нужным и щегольнуть сочувствием к простому классу, которое с таким самодовольством старались выставить напоказ некоторые из прежних, даже талантливых писателей: «Вот, мол, я какой добрый, – как снисходительно мужиков распи-сываю; а стоят ли они этого?» Напротив, г. Славутинский обходится с крестьянским миром довольно строго: он не щадит красок для изображения дурных сторон его, не прячет подробностей, свидетельствующих о том, какие грубые и сильные препятствия часто встречаются в нем доброе намерение или полезное предприятие. Но, несмотря на это, признаемся, рассказы г. Славутинского гораздо более возбуждают в нас уважение и сочувствие к народу, нежели все приторные идиллии прежних рассказчиков. Те, бывало, смотря на народ с высоты своего величия, великодушно старались обойти его недостатки и выставить только хорошие стороны; они рассчитывали возбудить в читателях сожаление, благосклонность к низшему сословию и трактовали его с той обидной ласковостью, которая обыкновенно происходит от уверенности в неизмеримом превосходстве собственном. Так обращаются иногда с маленькими детьми, больными, сумасшедшими: оставляют их говорить и делать глупости, капризничать, спорить, соглашаются с ними для виду, даже в некоторых случаях подчиняются их требованиям... Такое обращение бывает, впрочем, ужасно обидно для детей, начинающих приходить в сознание, и для здоровых людей, которых другие считают больными или поврежденными и потому не хотят принимать серьезно. Не особенно приятно было и подобное отношение писателей к народу для людей, действительно сочувствовавших ему и понимавших его жизнь. Оттого-то так и приятно видеть то мужественное, прямое и строгое воззре-

ние на простой народ, какое выражается в рассказах г. Славутинского. Он говорит о мужике просто, как о своем брате: вот, говорит, он каков, вот к чему способен, а вот чего в нем нет, и вот что с ним случается, и почему. Читая такой рассказ, и действительно становишься в уровень с этими людьми, входишь в их обстоятельства, начинаешь жить их жизнью, понимать естественность и законность тех или других поступков, рассказываемых автором. И несмотря на то, что многое признаешь в них грубым и неправильным, все-таки начинаешь более ценить этих людей, нежели по прежним, сахарным рассказам: там было высокомерное снисхождение, а здесь вера в народ. Так обыкновенно стараются расхваливать приятеля, которого считают ниже себя и которому нужно еще составить репутацию; но человека, которого вы признаете равным вам и которого значение и известность уже утверждены, вы разбираете спокойно, смело и беспристрастно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.